

ЖУРНАЛЪ
ВЕРШАКЪ

Литературно-художественный

«Въ деревнѣ».

Рис. В. Плотникова.

СОДЕРЖАНІЕ.

* * * Стихотвореніе	В. Пясть.
Критикъ Шуляко	Д. Крачковскій.
Лѣсовка	М. Сазоновъ.
Въ вѣнцѣ звѣзды	П. Карповъ.
Творчество	Н. Киселевъ.
Два шоффера	Р. Омонруа.

Экспонат

ВЕРШОК

Литературно-художественный

№ 13.

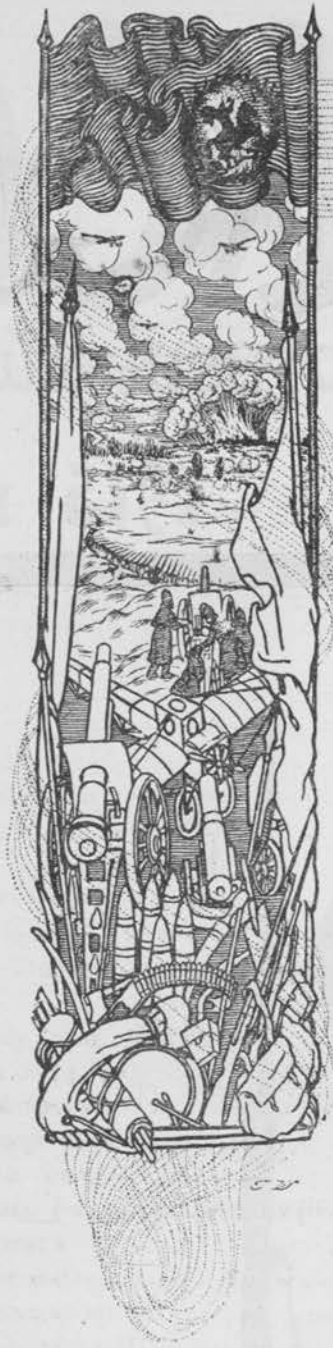
Февраль.

1915 г.

«На отдых».

Рис. Эйсснера.

*
*
*

Созданье словъ моихъ и музыка моя,
Тебя на вольный свѣтъ въ сей день я отпускаю.
Я вдунулъ духъ въ тебя, вѣка его тая,—
Сегодня вольная помчится пѣснь твоя,
Я знаю.

Сегодня ты вольна. Была въ тебѣ душа,
Душа была моя, я къ ней прикинулъ ухомъ,
И слушалъ ростъ ея, и ускорялъ, спѣша
Теперь съ тобою духъ,—и какъ ты хороша,
Какъ вскрѣплены въ тебѣ и тѣло и душа
Единымъ духомъ.

Черезъ меня къ тебѣ прошелъ священный
Духъ,—

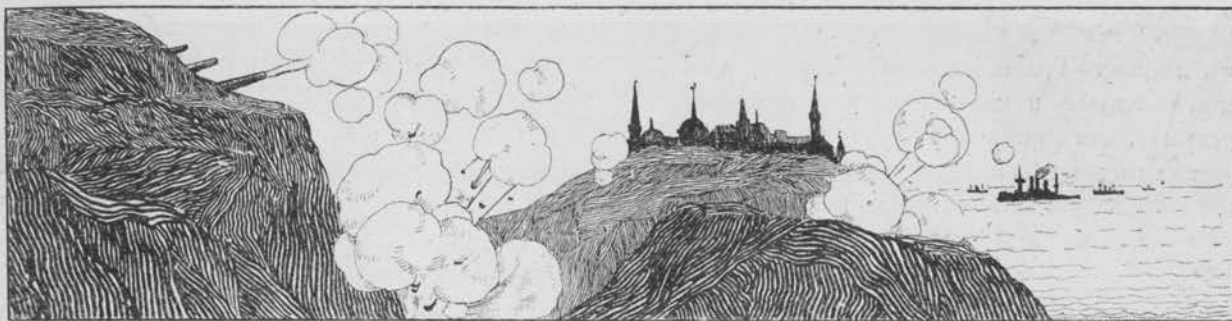
И вотъ ты—дочь моя, сокровная, родная...
Пройдутъ года. Твой сынъ прозритъ и скажетъ
вслухъ:

«Я жить хочу, я самъ»—и передашь ты духъ,
Къ тебѣ самой въ сей день дошедшій черезъ
двухъ.

Ему,—не зная.

В. Пастѣ.

КРИТИКЪ ШУЛЯНКО.

1.

Критикъ Петръ Ивановичъ Шуляпко прочелъ интересную лекцію—«Война и поэты». Публики собралось много, курсистки и студенты пристально глядѣли въ глаза Шуляпко, старики выражали сочувствіе, а, если старики выражаютъ сочувствіе,—дѣло въ шляпѣ—можно даже загордиться и высказать раздраженіе. Но Шуляпко твердо помнилъ, что скромность украшаетъ даже безобразныя лица, и эта благородная скромность была ему такъ пріятна, какъ цвѣты весною и фрукты осенью.

Онъ благоговѣлъ!

И лекція Шуляпко была скромная лекція: искусство во вѣки вѣковъ—святое искусство, война—страсти народныя, и—ясно—грѣшно говорить о сладкомъ кофе, красныхъ бантахъ женщины и земледѣльческихъ орудіяхъ, когда подъ самымъ ухомъ стрѣляютъ пушки, и стаями на западъ летятъ птицы.

Онъ зналъ, что говорилъ. Онъ трижды провѣрялъ свои мысли, и, право, эти мысли были не изъ послѣднихъ.

Въ аудиторіи потушили электричество, Шуляпко надѣлъ шубу, взялъ подъ руку жену и сказалъ:

— Поработалъ я сегодня, Евгенія Степановна, на славу. Можно и домой—чайку попить.

Евгенія Степановна заглянула въ глаза мужа и тихо сказала:

— Милый ты мой! Смотрѣла я на тебя въ аудиторіи и все любовалась, все любовалась. Этакій ты славный. Праздникъ у насъ, думаю, и—радуюсь.

Они вышли на улицу и сѣли въ сани.

— Помнишь,—спросилъ неожиданно Шуляпко жену—какъ мы вѣчались съ тобою въ Женевѣ? Денъжонокъ въ карманѣ мало было, совсѣмъ тю-тю-тю...

— Вспомнилъ... удивилась жена.—Когда вспоминаешь—нѣжность чувствую въ сердцѣ и радуюсь. Люблю воспоминанія наши, право, жадность какая-то и гордость...

Шуляпко поднялъ воротникъ шубы, и они поѣхали домой. Шуляпко вспоминалъ женевскій Hôtel de la Russie, Casino, сердце его ликовало и нѣжилось, какъ нѣжилось десять лѣтъ тому назадъ въ Женевѣ, на берегу голубого озера.

2.

На слѣдующій день Шуляпко проснулся поздно, въ 11 часовъ. Евгенія Степановна принесла кофе въ спальню мужа и приказала горничной протопить печи во всѣхъ комнатахъ.

— Морозъ крѣпкій,—замѣтила она.

— Слава Богу,—не сегодня читать лекцію.

Шуляпко удивился, что жена говоритъ о морозѣ, но потомъ пересталъ удивляться: они живутъ теперь въ Россіи, а Женева осталась тамъ—тамъ, далеко—за неприступными Альпами.

Шуляпко прочелъ «Русскіе Отголоски», швырнулъ газету на полъ, быстро вскочилъ и началъ одѣваться.

— Грѣшно, грѣшно!—думалъ онъ и застегнулъ пуговицы на рукавахъ фланелевой рубахи.

Фланелевая рубаха! Какъ легко думать, какъ радостно писать, когда тѣло грѣетъ фланелевая рубаха, классическая фланелевая рубаха русскихъ писателей!

Шуляпко заглянулъ во всѣ комнаты,—печи ярко топились, оранжевыя искры вихрями мчались въ пасть черной трубы, и, любуясь трудолюбивымъ пламенемъ своихъ печей,—Шуляпко отдался во власть пріятнаго и нѣжнаго томленія: одни люди называютъ это томленіе—вдохновеніемъ, другіе—настроеніемъ, третьи—жаждой работы, а четвертые... Шуляпко не искалъ человѣческихъ словъ, онъ даже пренебрегалъ ими. Томленіе Шуляпко, какъ рогъ охотника, призывало:—работай, работай!—онъ любилъ свои кристаллическія мысли, онъ писалъ такъ, какъ думалъ, и думалъ такъ, какъ писалъ. Онъ помнилъ всѣ свои женевскіе завѣты.

Онъ благоговѣлъ!

И вотъ, какъ всегда, не во время явились друзья. Шуляпко задумался, написалъ десять строкъ, вдругъ раздался звонокъ, и пришли всѣ они: молодой приватъ-доцентъ Суриковъ, критикъ толстого журнала Голембювскій и старый заслуженный писатель Николай Николаевичъ Астаховъ,—его никто не читалъ, и всѣ уважали.

— Ахъ Ты, Господи, прости!—подумалъ Шуляпко и побѣжалъ навстрѣчу гостямъ.

Онъ сѣвшилъ застегнуть всѣ пуговицы фланелевой рубахи и крикнулъ горничной, чтобы она закрыла трубу въ спальнѣ.

3.

Этимъ людямъ—Голембiовскому, Сурикову и Астахову, книга жизни и книга судебъ человѣческихъ была раскрыта, какъ окно весною; они твердо знали, гдѣ вочують химеры, гдѣ витають увлеченія, и по истиннымъ тропамъ жизни они исходили тысячи верстъ и не прочь указать кое-кому эти славныя человѣческія дороги.

Они много думали, много работали, много сочиняли, знали, зачѣмъ думаютъ, зачѣмъ сочиняють, зачѣмъ работаютъ, они питали иѣжную склонность къ искусствамъ, къ любви и разочаровывались тогда, когда искусство говорило о любви, а любовь твердила объ искусствѣ.

— Не слишкомъ-ли много любви...—думали они и вспоминали свои заслуги.

Заслугъ оказывалось многое множество, и въ пасмурные дни они даже изнемогали подъ тяжестью заслугъ. Тогда они погружались въ волны величія, и это величіе было тѣмъ моремъ, на волнахъ котораго они отдыхали отъ добрыхъ дѣлъ.

— Господи, прости!—воскликнулъ Шуляпко,—всѣ вы, мои милые, въ сборѣ! Этакій неожиданный сюрпризъ, право!

По укоренившейся старой привычкѣ онъ облобызался съ пріятелями, а потомъ, окруженный гостями, вернулся въ кабинетъ, гдѣ все ярче и ярче топилась печка.

Пріятели любовались открытымъ лицомъ Шуляпко и думали, какую онъ вчера прочелъ хорошую лекцію о войнѣ и поѣтахъ, а Шуляпко словно забылъ о лекціи,—вѣдь скромность, скромность,—она украшаетъ даже безобразныя лица. Онъ твердо помнилъ всѣ свои женеvскіе завѣты.

Онъ благоговѣлъ!

Въ кабинетъ заглянула Евгенія Степановна. Она, изумленная и благодарная, смотрѣла на пріятелей мужа.

— Останетесь завтракать?—спросила она.

И, когда пріятели утвердительно склонили головы, она посѣвшила заняться хозяйствомъ и, радостная, убѣжала къ жаркой плитѣ.

— Ахъ, Женева!—думала она и улыбалась.

— И такъ, Петръ Ивановичъ,—началъ Голембiовскій,—вы обрадовали насъ вчера чудесной лекціей о войнѣ и поѣтахъ. Ваша лекція—маленькое событіе, и событіе—незаурядное.

Старый писатель собирался возразить вскользь Голембiовскому, что на его вѣку—старога писателя—иѣтъ, иѣтъ и приключались событія первѣйшей важности, но умолчалъ изъ уваженія къ прошлому и настоящему Россіи и человѣчества. Приватъ-доцентъ Суриковъ думалъ о будущемъ Россіи, и эта будущая Россія очень любила Сурикова и любила его потому, что онъ—Суриковъ.

— Господи, прости!—вздыхнулъ Шуляпко и рѣшилъ чуть-чуть пріоткрыть передъ пріятелями завѣсу своей души.

4.

Онъ застегнулъ послѣднюю пуговицу фланелевой рубахи и сказалъ:

— Господа, вчера въ аудиторіи я подвѣлился съ вами своими мыслями о войнѣ и поѣтахъ. Я, конечно, избѣгалъ рѣшительныхъ выводовъ, рѣшительныхъ обобщеній. Зачѣмъ?

— Зачѣмъ?—повторили пріятели.

— Въ двухъ словахъ я постараюсь намѣтить эти послѣдніе выводы. Мы—въ своемъ кругу, и здѣсь насъ не поймутъ превратно. Я не говорю и не утверждаю, что поѣты должны дать обѣтъ молчанія, когда земля насыщена кровью. Но я не утверждаю, что пѣсни поѣтовъ своевременны, когда пылаетъ земля и вездѣ слышатся крики: «Пожаръ, пожаръ, пожаръ!» Я беру срединное положеніе.

— Та-та-та,—подумалъ Суриковъ,—любопытно было бы услышать твое утвержденіе, но сейчасъ же вспомнилъ, что утвержденіе не всегда является утвержденіемъ. Вспомнилъ и вздохнулъ.

— Я беру срединное положеніе,—повторилъ Шуляпко.—Я говорю и утверждаю: поѣты должны пѣть, если съ устъ поѣтовъ срывается пѣсня, но поѣты должны и повинны взять въ руки мечъ и разить враговъ, если жаждутъ отомщенія и уста ихъ скованы. Сегодня всѣ мы—воины, всѣ мы—поѣты, наши пѣсни—военные кличи, наши кличи—пѣсни.

Голембiовскій поморщился. Когда говорили «поѣты» и «пѣсни», Голембiовскій всегда морщился и вспоминалъ поѣта Ивана Дымшу. Голембiовскій написалъ пять томовъ критическихъ статей, но, когда говорили—поѣты—онъ вспоминалъ поѣта Ивана Дымшу и морщился. Онъ вспоминалъ не стихи Ивана Дымши, а холодныя руки Дымши и, когда критиковалъ Дымшу, всегда твердо помнилъ, что холодныя руки Дымши писали стихи. И всѣ статьи о Дымшѣ онъ начиналъ такъ:—разсудочная, холодная поэзія Ивана Дымши...

— И такъ?—спросилъ старый писатель.

— И такъ,—повторилъ Шуляпко,—занимая срединное положеніе,—я не кричу—назадъ! отбой! я не увлекаю за собою поѣтовъ, я говорю и утверждаю: мы должны пѣть, если пѣсни созрѣли, и мы должны молчать, если вѣримъ въ святость молчанія.

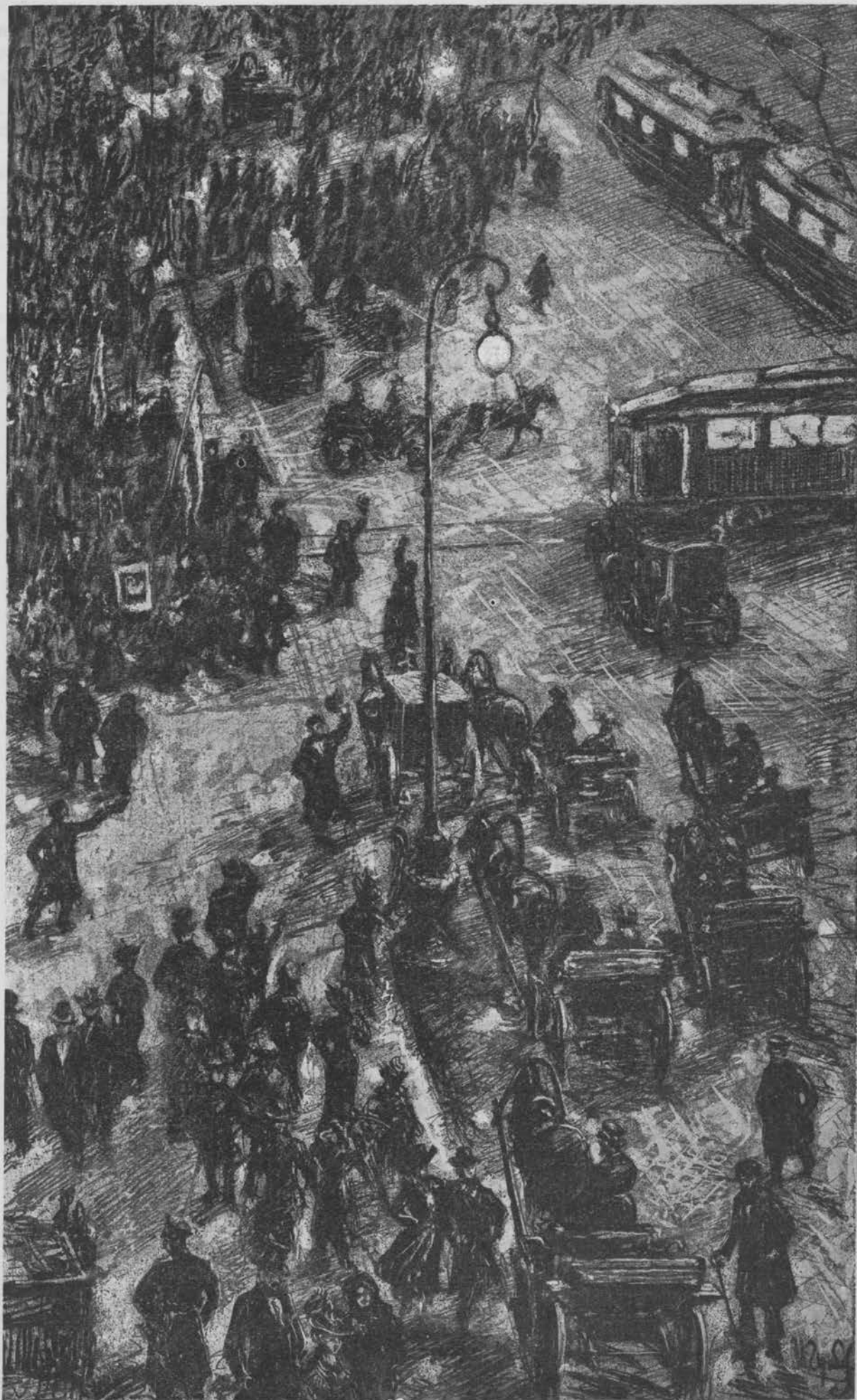
Пріятели опустили головы.

Они дѣлили недосказанность, ибо знали, что въ недосказанности—и соль и глубокомысліе.

Но шли годы, и эта соль уже не казалась имъ соленой, они знали, что соль у насъ приправляютъ каждое прѣсное кушанье. Чтобы не скучать, пріятели начали много говорить.

Ихъ слова были дороже жемчуговъ и діамантовъ. Ихъ слова были лучшія человѣческія слова: прогрессъ, человѣчество, братья, любовь, смерть. Съ вѣрой и совѣстью они перебрасывались словами, налету подхватывали ихъ другъ у друга и, не оспаривая, давали одинъ другому.

Шуляпко благоговѣлъ!

Петроградъ осенью 1914 г.

Рис. И. Грабовскаго.

Онъ сумблъ зажечь пожаръ, и его срединное положение оказалось крайнимъ.

Нѣтъ, нѣтъ: Шуляпко твердо помнилъ всѣ свои женевскіе завѣты.

5.

Евгенія Степановна прекрасно сервировала завтракъ. Сегодня утромъ она накупила всякой всячины этихъ запасовъ, пожалуй, хватить и до второй лекціи.

Она сервировала столъ такъ же, какъ сервировали столы въ Hôtel de la Russie—и цвѣты, и вино, и скатерть съ желтыми узорами, и многое другое, что твердило объ Европѣ.

— Любовь!—думала она и перетираала рюмки полотенцемъ,—въ Женевѣ мы любили другъ друга.—А теперь?—спросила себя Евгенія Степановна и не отвѣтила. Но ей захотѣлось удержать, какъ райскую птицу за хвостъ, это прилетѣвшее изъ Женевы воспоминаніе и спрятать, согрѣть его на сердцѣ.

Она открыла дверцу шкафа, притаилась за дверцей и стала смотрѣть въ окно.—Господи, какъ хорошо было въ Женевѣ,—думала она,—и почему хорошо? Лѣсенки, комнатки, картинки, угла своего не было, а—хорошо. И деньги,—все франки, бумажекъ не видали, ночью,—грѣй ноги, грѣй—все не согрѣешь. Вотъ развѣ, когда вѣчались и обѣдали въ Hôtel de la Russie. Хорошій отель, первоклассный! Женева, Женева! закричали воспоминанія, и опять островокъ Жанъ Жака Руссо, университетскій садъ, посольская церковь и площадь съ велосипедистами.—Много тамъ этихъ велосипедистовъ—думала она,—и народъ удивительный...

Евгенія Степановна переливала изъ бутылки въ графинъ сладкое вино, вдругъ закрыла глаза и выпила за дверцей шкафа одну, другую, третью рюмку этого сладкаго вина.

— Сладкое,—улыбнулась Евгенія Степановна,—какъ поцѣлуй.

— Звать что-ли гостей,—подумала она и не уходила изъ-за дверцы.—Нѣтъ, помечтаю еще,—рѣшила она,—въ кои-вѣки разъ.

Она сощурила глаза и посмотрѣла въ окно.—Жизнь какая тамъ легкая,—вспоминала Евгенія Степановна,—любила я что-ли, или—студенчество? Быть можетъ, мечтанія или бѣдность? Рубашки, случалось, пріятно стирать и пуговицы пришивать. А утро, какъ вино, право, и пить вина не нужно. Смотришь на горы, смотришь, глазамъ больно, а за горами—Франція. Чудеса!

— Размечталась я,—очнулась Евгенія Степановна, выпила еще двѣ рюмки вина и побѣжала звать гостей.

— Пожалуйста, прошу васъ!—Она даже чуть-чуть присѣла, какъ присѣдали швейцарскія горничныя, и вернулась въ столовую вслѣдъ за гостями.

6.

Въ столовой было стыдно говорить о «войнѣ и поѣтахъ». Поѣтому говорили о стихахъ и поѣтахъ.

И Шуляпко очень удивился, когда Евгенія Степановна неожиданно закрыла глаза и серьезно замѣтила:

— Не знала, право, любите вы стихи или не любите, а я, признаюсь, очень люблю и сама бы писала, да не умѣю.

Старый писатель пересчиталъ всѣ свои заслуги и спросилъ:

— Почему, уважаемая Евгенія Степановна, вы рѣшили, что мы не любимъ стиховъ?

— Наблюдаю,—отвѣтила она мечтательно,—все критикуете вы и хотите докритиковаться.

— Докритиковаться? улыбнулся Суриковъ.—Этакое слово...

Голембювскій вспомнилъ холодныя руки поэта Ивана Дымши и сейчасъ же выпилъ стаканъ краснаго вина.—Надо согрѣться,—подумалъ онъ.

Евгенія Степановна посмотрѣла нѣжно и внимательно на мужа и спросила:

— Ты помнишь?

— Что?

— Женеву и аллюминовые сантимы?

Шуляпко покосился на пріятелей. Они прислушались и усердно закусывали.

— Воспоминанія? удивился Шуляпко.

— А почему бы и не воспоминанія? спросила Евгенія Степановна.—Плохая наша жизнь была въ Женевѣ, что-ли?

Она закрыла глаза и снова очутилась въ Женевѣ. Вѣчались они часъ тому назадъ, а теперь обѣдаютъ въ Hôtel de la Russie. Господи!

— Удивительный климатъ, право, вздохнула она.—Осень, зима, а я калоши то всего раза два одѣла.

— Гдѣ? удивился старый писатель.

— Въ Женевѣ.

— А—а... въ Женевѣ,—и старый писатель сейчасъ же забылъ о Женевѣ.

— Что это ей Женева вспомнилась?—думалъ Шуляпко.

Евгенія Степановна поглядѣла въ окно, потомъ на пріятелей и сказала:

— Вѣрьте—не вѣрьте, а мы, люди, не знаемъ, право, гдѣ намъ хорошо. Есть деньги, есть бумажки, обуви много, а въ сердцѣ словно кто-то динь-динь-динь, даже какое-то томленіе... Случается, совѣмъ бѣдность, то-есть, сырость въ домѣ—не сырость, а плохое отопленіе, и—весело вспомнить. Грѣли мы съ мужемъ ноги, грѣли, а, какъ вспомню, что грѣли, заулыбаюсь. Удивительный климатъ.

— Женева, Женевское озеро?—спросилъ приватъ-доцентъ.

Евгенія Степановна не слушала доцента и сказала:

— Вотъ вы все—поѣты и война, поѣты и война... А я люблю стихи, то-есть, такъ люблю,—не знаю даже, какъ люблю. Прочту строчку и задумаюсь, прочту другую и задумаюсь. Кто то словно приложилъ ухо къ моему сердцу и слушаетъ. Замру вся, ледяная, а потомъ заулыбаюсь,—летѣть бы, охрашиваться, и ледъ съ крыльевъ брызгами, брызгами...

Она посмотрѣла пристально на мужа.

— Столько споровъ, столько словъ,—замѣтила

она.—Война, война... Будь я всегда веселой, все бы, до послѣдней ниточки отдала бы имъ, несчастнымъ, а сама—на войну.

— Прошу васъ,—и она указала Голембiовскому рукою на икру.

— А почему я не всегда веселая,—спросила она мужа,—почему?

Шуляпко рѣшилъ поговорить съ женою послѣ обѣда.

— Она читала сегодня Бодлера,—рѣшилъ онъ. Голембiовскій заговорилъ о критикѣ.

Всѣ обрадовались и вспомнили, что и на ихъ улицѣ праздникъ.

— Вашъ субъективно-аналитическiй методъ представляется мнѣ совершеннымъ,—замѣтилъ приватъ-доцентъ.

Шуляпко улыбнулся.

Онъ благоговѣлъ!

О, Шуляпко не забылъ всѣхъ своихъ женевскихъ завѣтовъ!

— Я всегда строго послѣдователенъ,—отвѣтилъ онъ и чокнулся съ Суриковымъ.

Отецъ и сынъ.

7.

— Закрывайте всё трубы, закрывайте,— кричал Шулякко, когда ушли гости.— Сегодня крѣпкій морозъ, я долженъ работать всю ночь.

Потомъ онъ подошелъ къ женѣ и заглянулъ въ ея глаза.

— Ты утромъ читала Бодлера? спросилъ онъ.

— Почему?

— Я вспоминала все, все.

— Она вспоминаетъ Женеву! — подумалъ Шулякко.

Шулякко привлекъ къ себѣ жену и сказалъ:

— О, Господи, прости, какъ все это давно было. Десять лѣтъ. Десять лѣтъ. Ты вспоминаешь?

Ф. Шаляпинъ въ роли «Бориса Годунова».

Рис. Н. Харитонова.

— Я читала его ночью,— отвѣтила Евгения Степановна.— Я прочла весь томикъ и собиралась прочесть второй—неразрѣзанный, но уже начался разсвѣтъ.

— Случилась бѣда... прошептала Шулякко и сбѣшилъ застегнуть всё пуговицы фланелевой рубахи, но пуговицы оказались застегнутыми.

— Какая бѣда?

— Ты улыбалась.

— Я радовалась.

— Посмотрю въ окно и вспомню,— сказала Евгения Степановна.— Если окно голубое или много цвѣтовъ. Тишина такая... И въ тишинѣ нашей все тамъ осталось.

— Какая тишина?— недоумѣвалъ Шулякко.— Ты разучилась говорить.

— Можетъ быть, и не умѣла?—спросила Евгения Степановна.— Тишина и все тутъ...

Шулякко рѣшилъ оглянуться назадъ и увидать ту

тишину, о которой говорила жена. Но тишина скользила мимо, ея туманные очертанія заволакивали догорающее прошлое, и поблѣднѣвшія тѣни стояли на одинокихъ выступахъ и твердили, твердили неясныя слова.

— Господи!—вздохнулъ Шулякко,—ты бесѣдуешь съ химерами. Не забывай: десять лѣтъ, десять лѣтъ! Къ моему голосу прислушивается вся Россія.

— Но почему тебя пугаютъ мои воспоминанія?—спросила жена.

— Мы не должны спорить,—отвѣтилъ Шулякко.— Зачѣмъ? Идемъ въ кинематографъ! Въ кинематографѣ я всегда отдыхаю.

— Идемъ,—покорно согласилась жена.

Она надѣла пальто, крытое старымъ женевскимъ сукномъ, и разглядывала въ зеркалѣ свои первыя морщины.

Она не думала о морщинахъ. Она вспоминала консержку—madame Pallaj—и улыбалась.

8.

Въ кинематографѣ они видали охоту на львовъ, преступленіе банкира, одинокаго сироту и парижскій балетъ. Балерины не посиѣвали за музыкой, львы суетились и озирались по сторонамъ, банкиръ былъ похожъ на филантропа и удивлялся, почему всѣ считаютъ его преступникомъ. Сирота искренно плакалъ. Было жаль этого сироту, его научили такъ искренно плакать, и, когда сирота подростетъ, онъ непременно откроетъ банкирскую контору.

Шулякко благоговѣлъ!

Прогрессъ, жизнь, человѣчество, любовь, смерть! Вездѣ закономерность, вездѣ равновѣсіе. Онъ—Шу-

лякко—занимаетъ какое-то среднее положеніе. И ему не хотѣлось смотрѣть по сторонамъ. Онъ не рѣшался встрѣчаться съ глазами другихъ людей. Онъ уже не понималъ языка человѣческихъ глазъ, и то угасающій, то вспыхивающій ихъ свѣтъ казался ему далекимъ и неживымъ свѣтомъ.

Они вернулись домой.

Горничная хорошо протопила всѣ печи.

— Можно и за работу приниматься,—сказалъ критикъ.

Онъ разстегнулъ пуговицы фланелевой рубахи и даже засучилъ рукава. Онъ рѣшилъ приняться за новую лекцію.

— Какъ озаглавить лекцію?—думалъ Шулякко. Онъ оглянулся назадъ и, когда убѣдился, что никто не нарушилъ его одиночества, написалъ:

— Война и прогрессъ,—и задумался о прогрессѣ, какъ думалъ недавно о поэтахъ.

Онъ думалъ усердно.

Онъ благоговѣлъ!

Онъ не забылъ еще всѣхъ своихъ женевскихъ завѣтовъ.

А Евгенія Степановна причесывала въ спальнѣ волосы и улыбалась. Она подходила къ окну, смотрѣла на звѣзды, грѣла руки надъ огнемъ свѣчи, и, когда пробилъ полночь, она подошла къ ночному столику, склонилась къ свѣчѣ и на клочкѣ бумаги написала свое первое стихотвореніе.

Стихотвореніе называлось:

«Мои любовь»,— и всю ночь Евгенія Степановна удивлялась, что могла написать такое стихотвореніе

Димитрій Крачковскій.

Казанатака.

„Л Ъ С Ъ В К А“.

РЪСЯЗЪ.

Случилось это въ сѣверныхъ далекихъ лѣсахъ, среди мшанниковъ съ красно-желтой морошкой, гдѣ стройный, терпко-дурманый малинникъ шепчется отъ весны до осени съ бѣлянкой-березкой... Ластится, подбирается, вьюномъ вьется... Качаетъ головой береза, не сдается улачиваньямъ, отмахивается зеленымъ рукавомъ, а сама притулилась, жметъ къ сосѣдъ, старой нянькѣ-ворчунѣ...

Тамъ это случилось неладное, несправедливое дѣло людское.

Когда-то въ лѣсахъ, будто въ крѣпости, укрылись два брата. Одинъ холостой, а другой, старшій съ молодухой.

Избу срубили на берегу лѣсного озера, озера свѣтлаго, яснаго, съ грудью весломъ не царпанной. Тишь да дрему на зарѣ голосъ людской еще не буживалъ. Желта-птица караулила солнышко, трепыхалась шумливо крыльями и крикомъ источнымъ оповѣщала мѣръ о новой радости.

Такъ вотъ поселились братья и зажили.

Землицы въ первый годъ на себѣ распахали, деревнѣ, свободной отъ барщины—Машозеру,—въ поясъ поклонились. Мѣръ откланялся зерномъ, лошадкой да коровой.

Зажили.

Звѣрья не били: грѣхомъ почитали звѣря жизни лишить. Удочки въ озеро не закидывали,—рыбу въ обманъ не вводили.

Рѣны, картошки вдосталь, черники лѣтомъ молодуха наберетъ, засушитъ, брусники, рыжиковъ къ зимѣ приготовить...

Чѣмъ не житье?

Богу молились на востокъ.

Праведно жили.

Молодуха разъ въ лѣсъ пошла, а была ужъ на сносяхъ... Медвѣдя увидѣла—отъ страху дѣвочкой разрѣшилась. Медвѣдь не тронулъ, понюхалъ, отошелъ, обиды не причинилъ.

Очнулась молодуха, подобрала дѣвочку, кой-какъ до дому доползла. Радости то что было у отца... Радовался и дядя новоявленной племянницѣ; да только...

Неладное зачало что-то съ нимъ твориться.

Останется съ глазу на глазъ съ невѣсткой, слова не проронить—взглядъ тяжелый такъ и свербитъ; такъ и точить... Грудь молодая да здоровая, что колесо твое хорошее—ходуномъ ходить...

Молодуха ребенка грудью кормить, глаза опущены,дохнуть боится. Боязно ей съ деверемъ. Сердце такъ и скулить,—нехорошее чувствъ. Въ жаръ молодуху бросаетъ отъ грѣха. Уйти бы,—да куда ты дѣнешься съ груднымъ?

А свой мужикъ по хозяйству день-деньской мотается... Старше вотъ онъ тоже много. Силой старики выдали...

Конечно, у людей всяко бывало,—съ деверемъ тамъ, али со свекромъ для молодки и за стыдобу не считалось... Что выплюнуться.

Однако, какъ не искушалъ лукавый,—крѣпилась, грѣхомъ души мутить не хотѣла, да только...

Лѣтомъ какъ-то выкупаться захотѣла—думала, мужиковъ близко итъ, раздѣлась, перекрестилась, по бабьи присѣла было на короточки... Окунулась, да въ воду на себя взглянула.

«Господи... и на бабу то я не похожа» подумала: «будто дѣвка... Тоненькая да бѣленькая, что твоя березка... Точно и не рожала». Смотрить, смотреть въ воду на свое лицо... Глаза голубые,—а въ водѣ большіе, зеленые... Занятно...

Выкупалась—на берегъ вышла.

Вдругъ... въ глазахъ помутилось: деверь...

Вечеромъ старшій братъ домой вернулся, ребенокъ голодный крикомъ кричить, посиѣлъ весь, а матери итъ.

И къ ночи не пришла, и на второй, и на третій день... Пропала баба. Искали-искали, порѣшили Богу молиться за упокой души рабы Божьей Дарьи... Дарьей звали молодуху.

Осунулся, посѣдѣлъ холостой братъ, ходить—глаза въ сторону...

Озеро ему по ночамъ полюбилось... Есть мѣсто такое—берегъ высокій да крутой, а дно—нырни, ногами не достать.

Ночью осины жалобно да протяжно такъ стонуть, шепчется окуня трава... Есть теперь у озера своя тайна, есть о чемъ рассказать, поплакаться, только слушать надо умѣючи... Тоскуетъ озеро: не радо оно тайнѣ...

«Эхъ, Дарья... Дарья... рушила ты чистоту, да невинность озера лѣсного. Слугнула крикомъ послѣднимъ шопотъ любовный лѣсной»...

Придетъ младшой къ берегу, уставится на воду,—улыбается...

Видить, видно, тонкое, что твоя березка, тѣло на дѣлѣ...

Разъ только обнималъ—не забудетъ... Обниметъ и второй разъ, вотъ-те крестъ на вороту,—обниметъ...

Сгинулъ, наконецъ, младшій братъ...

Пришла вдовца эта пропажа.

Шли годы, росла дочка. Никакъ ее не звали, не кликали... Людей она не видала, словъ знала мало... Крикомъ больше объяснялась. Весело—улюлюкаетъ, тоскливо стонетъ. Сядетъ на землю, обхватитъ ноги руками и давай выть... А обозлится—оскалитъ зубы, выгнетъ, будто разсомаха предъ коровнымъ выменемъ, зубы оскалитъ, щелкаетъ. Ходила въ рубахѣ до колѣнъ изъ рядна... Зимой и лѣтомъ босикомъ. Волосы гребня не знали, что у вѣдьмы... Несется съ крикомъ

по лѣсу косы, что дымъ изъ трубы. Случится за сукъ задѣлать, клокъ оставить—ничего...

Лѣсъ очень полюбила, подружилась. Обхватить, бывало, ель или сосну, улыбается, къ корѣ шершавой ластится, бормочетъ что-то... Другъ друга понимали. Трава ноги щекотитъ, ласкается... Земляника, что капельки крови албегъ.

«Лѣсовка... какъ есть лѣсовка» шепчетъ бывало отецъ, глядя на дочку.

А лѣсовка коль жарко—рубаху сбросить, голая останется... Комары, овода облѣпять, мѣста живого не останется. Ничего... Даже любила... А то въ воду по шею заберется, цѣлыми часами стоитъ. До отца ей было какъ-то все равно: любить не любила, бояться не боялась, а вотъ стыда—такъ въ ней не было... Какъ у прочихъ дѣвушекъ, что по деревнямъ живутъ.

Разъ голыя въ лѣсу на камнѣ сидѣла, что-то навистывала... Видитъ—Чикунъ идетъ... Есть мужичокъ такой въ нашихъ мѣстахъ, тихій, смиренный... И очень его люди еще въ дѣтствѣ изобидѣли, до помраченія въ мысляхъ... Такъ вотъ съ людьми ему дѣлать нечего, по лѣсамъ скитается... Травы знаетъ, слова разные... Ничего что «пришалимочекъ», а такое знаетъ, что другому ученому знать не дано.

Такъ вотъ повстрѣчался съ лѣсовкой... Видитъ—дѣвка сидитъ на камнѣ голая... Смотрятъ другъ на друга улыбаются...

— Ты, касатка, дальняя?—спрашиваетъ.

Та рукой показываетъ на озеро.

— А давно здѣсь?

Не поняла, видно, лѣсовка: смотритъ, улыбается.

— Ну, помоги тебѣ Богъ, дѣвуня...—произнесъ Чикунъ и пошелъ дальше своей дорогой.

Дѣвка головой тряхнула, вскочила... пробѣжала было нѣсколько шаговъ за Чикунѣмъ, крикнула что-то, будто жолта-птица, да какъ прыснетъ въ лѣсъ...

Разъ по лѣсу лѣсовка съ отцомъ около избенки сидѣла, гуяски изъ пахучей бересты ладила...

Вдругъ надъ озеромъ, что твой громъ-выстрѣлъ изъ ружья ухнулъ. Чирки въ осокѣ затрепетали, съ безпокойнымъ крикомъ въ полувьлетъ надъ озеромъ заматались несчастные...

Лѣсовка глаза къ небу подняла,—не тучавитъ... Ясно, свѣтло надъ головой... Не доводилось ей еще выстрѣла ружейнаго слышать. Невдомекъ...

Сорвался отецъ съ мѣста, изъ дрожащихъ рукъ гуясокъ вывалился, самъ трясется весь... Бросился къ наволоку надъ озеромъ,—видитъ трое полѣсовиковъ съ берданками...

Крадучись и дѣвка подобралась, за ивнякомъ пригнулась: любопытны ей люди...

Смотритъ,—отецъ коритъ охотниковъ, трясется бородевка у стараго, руками помахиваетъ:

— Меня... меня убейте, проды, а птицу не вороши... Да... а самъ воротъ у рубахи растегаетъ, по худой, волосатой груди козенками стучитъ. Хмурятся охотники, извѣстное дѣло—укоры да еще за правду не сахаръ... Ну, и пошло... Слово за слово... Одинъ возьми да слегка и толкни старика въ грудь... Тотъ

разъ—другой махнулъ рукой, словно свѣту Божью на прощанье, да и повалился на землю...

Выскочила лѣсовка изъ-за ивняка, изогнулась разсомахой, зубы оскалила, кегги выпустила...

— Ну-ка, шугани дѣвку,—посоветовалъ одинъ другому, и снова надъ озеромъ ухнуло ружье...

Стономъ протяжнымъ, точно въ самое сердце раненый, отозвался боръ на другомъ берегу...

Схватила лѣсовка за пятку, дробь то вона куда угодила, да какъ прыснетъ въ лѣсъ... А вдогонку, сидеаясь съ гоготомъ и улюлюканьемъ, ухали берданки...

Долго бѣжала.

Давно ужъ стихло все кругомъ, а лѣсовкѣ все кажется—гонится... И не уйти теперь ужъ никуда отъ обиды человеческой, вездѣ достанетъ...

На полянкѣ, что онамедни подъ рѣпище выжгли,—остановилась, къ землѣ, отъ вечернихъ слезъ росистой, съ жалобой припнула...

Надругались, ушли...

Долго лежала дѣвка, песокъ грызла крѣпкими зубами...

Выла слабо и протяжно...

Притихъ лѣсъ кругомъ, замерло, не дышетъ озеро, свидѣтель невольный... Мхомъ бы затянуться, спрятаться на вѣкъ отъ свѣта Божьяго, чѣмъ видѣть мерзость людскую.

Не впейся корни такъ въ землю глубоко—ушелъ бы лѣсъ... Ушелъ и унесъ бы съ собой крики утопленниковъ, и одной еще... Самой горемычной, самой ненаглядной дочки своей лѣсовки...

Подъ вечеръ, когда заря кровью туманъ надъ озеромъ напонила, стихла лѣсовка, выть перестала... Поднялась, идетъ къ лѣсу, хватается за шершавую кору смолистую, молча жалуется распобѣдная.

Не отзовется ужъ лѣсъ былымъ любовнымъ шопотомъ, не пророкочетъ вода,—протяжно и тоскливо вздыхаетъ озеро... Хоть сова бы завывала, да рано ей голосъ свой показать. А у прочихъ крылья есть—улетѣли отъ грѣха подальше.

— Ой-е-ей... тоскливо разносится по лѣсу ея крикъ.

Подошла къ озеру, сѣла на камень, лицо руками закрыла...

Долго сидѣла. Все чудилось—гонится жгучая дробь съ улюлюканьемъ. И достанетъ, непременно достанетъ. Какъ тутъ жить. Видѣла она людей, добра не жди. Это не лѣсъ тебя ласковый, не звѣрь справедливый.

На небо изъ-за озера туча надвинулась и сразу темью непроглядною на водѣ легла... Протяжно гдѣ-то ухнула земля... Послѣбно и тревожно зашумукались деревья надъ головой—точно совѣтъ держали... Подняла лѣсовка голову къ вершинамъ-шептунамъ, прислушиваются—что посоветуютъ?

Шабарша сухими вѣтвями, шепнула что-то разбитая грозой сосна.

И снова шорохъ несогласья пробѣжалъ надъ головой... Точь въ точь руками отмахивались сосѣдки отъ мудраго, но жестокаго совѣта старой сосны...

Гнѣвно качнула вдругъ сосна спаленной верши-

ной, такъ гнѣвно, что озеро помутила, закричала
снizu до верху и похожій на лапу единственный
сукъ призывно лѣсовкѣ протянула...

Та ухватилась цѣпкими руками за сукъ, быстро и
кунцею поднялась до верху и, не задерживаясь, не
оглядываясь, ухнула сверху на земь...

Мягко шлепнулось внизу тѣло о камни, стонъ,
какъ вздохъ, пролетѣлъ надъ озеромъ, и все стихло...

Къ ночи дождь пошелъ. Тоскливо причитывала
лѣсная плакальщица жолна-птица по покойницѣ, и
до утра не унимался, улыбно плакалъ лѣсъ.

Михаилъ Сазоновъ.

Въ вѣнцѣ звѣзды.

Въ вѣнцѣ звѣзды незаходимой,
Голубоока и свѣтла,
Весенней дѣвушкой любимой
Мечта души моей цвѣла...

Себя отдавъ лѣсному шуму
И погрузившись въ вѣшній сонъ,
Она навѣяла мнѣ думу—
Любовь, глухую, какъ полонъ.

Золотоструйнымъ ароматомъ,
Горячимъ медотокомъ росъ
Была душа ея богата
И голубою пылью розъ...

Души моей царица темной
Мнѣ грудь пѣвучую зажгла
Животворящей болью томной
И въ сердце пламень пролила

И нѣтъ восторгамъ угомону,
Въ душѣ огня не утушить...
И вѣкъ я буду въ цвѣтозвонѣ
Любить, смѣяться, пѣть и жить.

Пименъ Карповъ.

ТВОРЧЕСТВО.

Вы всё, конечно, знаете высокія писанія нашего удивительнаго публициста и философа Соликамскаго, васъ, быть можетъ, не разъ поражало, что даже въ самое послѣднее время, хотя бы даже вчерашняя статья его въ той газетѣ, какую вы привыкли брать въ руки по утрамъ, что даже въ послѣднее время всё произведенія его остались проникнуты все тѣмъ же прекраснымъ духомъ гуманности и благожелательности, искренняго уваженія къ человѣческимъ правамъ, смиреннымъ признаніемъ своихъ недостатковъ и прощеніемъ чужихъ. Когда я самъ прочелъ эту вчерашнюю статью, я не могъ не удивиться неотразимой силѣ и какой-то особенной внутренней убѣдительности ея словъ, и мнѣ невольно вспомнились слова Соликамскаго, совсѣмъ недавно обращенныя ко мнѣ при нашемъ послѣднемъ свиданіи.

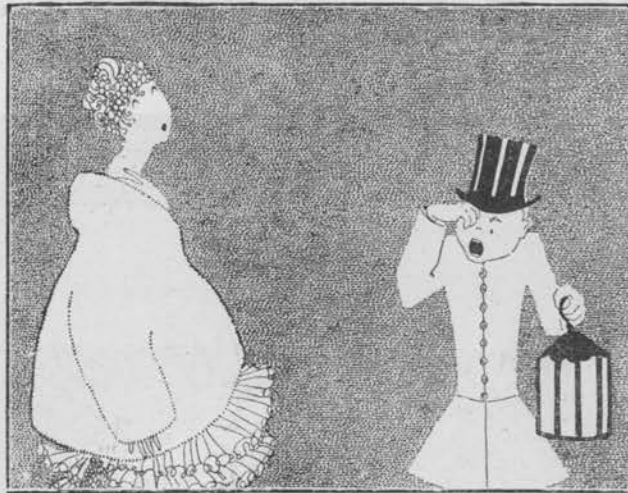
— Другъ мой,—сказалъ онъ мнѣ тогда, тепло притрагиваясь къ моему колену—другъ мой! Посмотри, что дѣлается на свѣтѣ. Одни проклинаютъ жизнь, другіе славословятъ ее. Одни всегда смѣются, другіе пьютъ вечерній чай, мило шутятъ съ женой и, выйдя затѣмъ въ кабинетъ, убиваютъ себя пулей въ високъ, конечно, накрывши голову платкомъ, чтобы не такъ было слышно. И никто изъ нихъ не знаетъ, что заставляетъ ихъ дѣлать все это, и никто не знаетъ, что такое жизнь, и что такое смерть.

Я помню, что при этихъ словахъ Соликамскій снялъ пенснэ, и я былъ пораженъ, какимъ чудеснымъ, живымъ огнемъ сіяли его глаза.

— Дорогой мой!—продолжалъ онъ снова въ волненіи. Вѣдь эта тайна столь помрачающа и прельстительна, что нельзя не чувствовать трепета и восхищенія передъ ея грандіозностью. Милый, мы во многомъ обманываемся въ жизни. Достигнувши счастья, мы быстро привыкаемъ къ нему и видимъ, что оно уже вовсе не счастье. Въ нашей душѣ заложено ощущеніе нашей безсмертности, мы все дѣлаемъ не такъ, какъ если бы умерли завтра, а такъ какъ если бы жили вѣчно на землѣ, и вдругъ все же приходитъ смерть и уничтожаетъ человѣка безслѣдно. Такъ знаешь ли, мой драгоценный, для чего все это сдѣлано? Никто не знаетъ, а я знаю, я понимаю, я открылъ!

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, а онъ сказалъ дальше съ дрожью въ голосѣ:

— Все для того, чтобы мы, занимаясь всякими пустяками, не замѣтили смерти. Понятно ли тебѣ теперь, почему я такъ люблю и прощаю все людямъ? Вѣдь они—безпомощныя дѣти, играя всходящія на рѣшфотъ. И восторгъ и благодарность тому, кто

сумѣлъ такъ заботливо обставить насъ этими обманами, и хвала жизни за то, что столь сладостны обманы ея!

Все съ большимъ изумленіемъ смотрѣлъ я на Соликамскаго. Я совсѣмъ не понималъ послѣднихъ словъ его. Не то, чтобы мысли его были совершенно чужды мнѣ. Напротивъ, я и самъ болѣлъ ими, но обманчивость нашего земнаго лишь ужасала меня и внушала къ ней отвращеніе, а къ жизни—брезгливость. Мои друзья знаютъ,

какой я пессимистъ, и я хотѣлъ уже обратиться къ Соликамскому съ какимъ-то холоднымъ замѣчаніемъ, какъ вдругъ причина его непослѣдовательности мнѣ отчасти уяснилась. Я не могъ замѣтить, что тутъ-же на моихъ же глазахъ раскрылся самъ тайный ростокъ вдохновенія, какой не всякому удастся подсмотреть. И, на самомъ дѣлѣ, осѣненный вдохновеніемъ, Соликамскій вынулъ книжку и въ нетерпѣніи сталъ заносить туда слова. Быть можетъ, результатомъ то этого нашего разговора и явилась его вчерашняя замѣчательная статья, проникнутая почти невѣроятною для нашего времени жизнерадостностью. Но такъ это или нѣтъ, я сейчасъ лишь особенно предлагаю вчитаться въ то мѣсто, гдѣ говорится, какъ удобно, какъ легко было бы жить человѣку, если бы онъ дѣлѣю своей жизни поставилъ непрерывное стремленіе помогать другому, оберегать его и нѣжить. Это мѣсто—воистину радость откровенія!..

Впрочемъ, вы всё сами знаете, какъ глубоко произведенія Соликамскаго. Но тотъ удивительный случай, какой произошелъ съ нимъ во дни войны, кажется, извѣстенъ только мнѣ одному, его ближайшему другу. Быть можетъ, даже только немногія изъ васъ знаютъ, что Соликамскій большую часть своей жизни провелъ совсѣмъ неподалеку отъ Петрограда, и всякому изъ васъ, кому любопытно было бы посмотреть, какіе у него волосы и лицо, сдѣлать это было бы не трудно. Отъ себя я замѣчу только, что другъ мой все беретъ лѣвою рукою и пишетъ ею, хотя правая у него совершенно здорова. Онъ лѣвшій.

Живетъ онъ по Финляндской дорогѣ, недалеко отъ той станціи, которая носитъ такое поэтическое и звучное имя: Оллила. Вокругъ мѣсто совершенно уединенное и пустынное, пышные и глубокіе снѣга, гдѣ серебристые, гдѣ голубые, необъятное пустое пространство залива съ черной черточкой по горизонту, гдѣ начинается незамерзшая вода, молчаливыя сосны въ кружевномъ инѣѣ и снѣгѣ, и все недвижимо и все безглагольно, и все холодно и безучастно.

Эта безучастность финской природы особенно резко бросается мнѣ въ глаза въ морозныя ночи, когда есть звѣзды и луна, черныя тѣни тянутся клиньями отъ сосенъ по свѣтлозеленому снѣгу, а между тѣмъ ничто, ни одинъ загадочный звѣрекъ не промелькнетъ смутнымъ пятномъ по снѣгу. Меня удивляло, какъ это Соликамскій чуть не беззвѣдно можетъ жить тутъ. Это даже поражало меня. Вѣдь вы знаете, какъ часто появляются въ печати его столь радостныя произведенія. Вы понимаете, конечно, что меня поражала не самая радость ихъ; всѣ мы знаемъ, что при вдохновеніи живетъ легче даже въ кругломъ одиночествѣ. Но я не могъ никакъ представить себѣ самой

длительности, самой безпрерывности того чудеснаго огня, который внезапно вспыхивалъ въ немъ и горѣлъ, не ослабѣвая.

— Какъ мертвенно, какъ холодно кругомъ!—думалось мнѣ невольно.—Только снѣгъ да морозы. А вотъ на перекоръ всей этой нѣмотѣ удивительное одинокое сердце человѣческое пламенѣетъ, какъ жаръ, и своимъ пламенемъ озаряетъ изъ этого царства снѣга такія далекія окраины, какихъ, быть можетъ, я и представить себѣ не умѣю.

Я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы Соликамскій никогда не испытывалъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ, того внезапнаго сомнѣнія и тяжкаго раздумья, какія

Щионъ

неизбѣжно выпадаютъ на долю всего, что начинаетъ понимать больше, чѣмъ другіе. Онѣ, конечно, были, но здѣсь я еще разъ долженъ указать, что самыя минуты эти были полны той значительности и того свѣтлаго горѣнія, какія всегда были мнѣ столь загадочны и непостижимы въ Соликамскомъ. И въ эти минуты, быть можетъ, больше, чѣмъ въ инныя, я чувствовалъ неотразимость его, уваженіе передъ нимъ и какъ бы легкой и сладостный испугъ. А между тѣмъ по наружности онъ былъ совсѣмъ не замѣча-

горячо натопленныхъ, металлическихъ печей, котенковъ, уютно спавшій на пушистомъ платкѣ, забытымъ какой-либо дѣвушкой, которыя столь часто посѣщали Соликамскаго, откуда-то прѣзжая. Приятно было въ солнечный день смотрѣть въ окно, какъ играетъ звѣздами свѣтъ на солнцѣ, какъ одинокій вейка тащится по далекой дорожкѣ, какъ прозрачно голубѣетъ небо, и солнечный лучъ сквозь стекло тепло ложится на лицо. Мнѣ тогда и самому казалось, что жить здѣсь весьма приятно, если бы только не это дикое безлюдье вокругъ. Мнѣ думалось тогда, что уютъ и тишина этого домика ненарушимы вовѣки, и отсюда могутъ исходить вѣчно истинныя слова о любви и гуманности.

Въ тѣ дни, когда началась война, я вновь посѣтилъ этотъ домикъ. Стояла вѣтреная и ненастная погода, обычная для Финляндіи, буйный вѣтеръ носился по широкому и темному раздолью залива, вспахивая его валами, и угрюмо гудѣли черныя мокрыя сосны. Я прѣехалъ вечеромъ и съ отрадою увидѣлъ, что домикъ, какъ всегда, мирно освѣщенъ своими тихими огнями.

— Счастливое убѣжище отъ людскихъ волненій! — невольно съ восторгомъ подумалось мнѣ.

Но самого хозяина я нашелъ сильно разстроеннымъ, огорченнымъ и совсѣмъ растеряннымъ. Мы не посидѣли и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ заговорилъ о войнѣ, заговорилъ нервно и лихорадочно.

— Дорогой мой! — сказалъ онъ мнѣ и въ возбужденіи приложилъ руку ко лбу и вновь отдернулъ ее. — Я не понимаю, у меня все спуталось въ головѣ. Это чудовищно, неслыханно!

Весь двадцатый вѣкъ насъ учили, и мы учили другихъ любви и состраданію, насъ учили оберегать жизнь и благо другого, и мы учили ненавидѣть насиліе и искать добра. И кто же училъ первый? И кто же объявилъ теперь войну? Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть! Это не то, это не такъ! Это просто вспыльчивость, и вотъ она завтра уляжется. Она уже, быть можетъ, улеглась, и въ ту минуту, когда мы бесѣдуемъ о ней, уже все снова хорошо!

Головка.

теленъ, ибо никому ничего не могли бы сказать ни его блѣдыя, жидкіе волосы, ни безцвѣтные глаза, ни привычное пенсіе, ни сама небольшая, сухошавая фигура съ узкими и сильно опущенными книзу плечами.

Въ домикѣ, гдѣ жилъ Соликамскій, я очень любилъ бывать. Мнѣ нравилась незатѣливая, деревенская обстановка его, чисто выметенные полы, покрытые линолеумомъ, желѣзный запахъ въ комнатахъ отъ

Событія развивались съ ужасающей быстротой, а мой другъ все еще не вѣрилъ въ ихъ реальность, вѣроятно, старался не вѣрить. Онъ забросилъ всѣ книги свои, даже самыя любимыя и самыя нужныя ему, безъ которыхъ онъ раньше дня не могъ пробыть. Въмѣсто нихъ онъ ежедневно сталъ читать по нѣсколько газетъ, но, читая въ нихъ о развитіи военныхъ приготовленій, онъ теперь даже сталъ улыбаться и сомнительно качать головой. Какъ вдругъ внезапно міръ пораженъ и потрясенъ былъ извѣстіями о первыхъ злодѣяніяхъ врага.

Едва лишь узналъ я о нихъ изъ газетъ, какъ сейчасъ же помчался къ Соликамскому. Я засталъ его на этотъ разъ въ такомъ странномъ состояніи, что сначала никакъ не могъ взять ничего въ толкъ и даже не повѣрилъ самому себѣ. Онъ, согнувшись, сидѣлъ за столомъ и исподлобья смотрѣлъ въ стѣну невидящими, непонятно блестящими глазами. На мое привѣтствіе онъ ничего не отвѣтилъ, какъ бы не слылавъ меня или не узнавъ вовсе. Но, погода немного, онъ перевелъ на меня взглядъ и вдругъ открылъ широко ротъ и разсмѣялся чужимъ, пугающимъ смѣхомъ. Я со страхомъ нагнулся надъ нимъ и тутъ же невольно отшатнулся. Ёдкій запахъ спирта пахнулъ мнѣ въ лицо отъ него. Онъ былъ пьянъ.

Я зналъ Соликамскаго давно, зналъ, съ какимъ омерзѣніемъ относился онъ всегда къ алкоголю. И теперь это было столь паразитически, что мнѣ пришлось еще разъ убѣдиться, чтобы повѣрить, наконецъ. Да, это было такъ. Ужасающая пустота, которая стережетъ и хватаетъ человека какъ разъ тогда, когда разбиваются затаеннѣйшія вѣрованія всей жизни его, когда онъ особенно безсиленъ, несчастенъ и одинокъ, надвинулась неотвратимо на моего бѣднаго друга, и онъ наполнилъ ее химерными ощущеніями наркотика, быть можетъ, къ счастью. Я зналъ, какъ смѣшны и назойливы бываютъ всяческія утѣшенія для человека, въ глазахъ котораго рушится міръ въ самой основѣ своей, а потому и предоставилъ своего друга самому себѣ на нѣкоторое время.

Безстыдное звѣрство тевтонскихъ полчищъ уже точно опредѣлилось, какъ строгая, неслыханно варварская система, когда я снова посѣтилъ маленькую станцію со столь портическимъ именемъ: Оллила. На этотъ разъ я нашелъ своего друга нѣсколько успокоившимся, хотя все же онъ былъ еще тревоженъ и печаленъ. Но какъ природа не терпитъ пустоты, такъ и душа человѣческая не можетъ быть безъ внутренняго уюта и опоры.

— Другъ мой дорогой!—горячо сказалъ мнѣ Соликамскій на этотъ разъ, съ радостью увидѣвъ меня.

Головка.

—Знаешь ли ты, что все это обозначаетъ? Никто не знаетъ, а вотъ я, пожалуй, знаю. Я понимаю, я открылъ! Это только видимость, что вновь возрождается въ нашъ гуманный вѣкъ идея насилія, возрождается съ еще небывалою мерзостью и подлостью. Это только такъ намъ кажется, а на самомъ дѣлѣ это конецъ ея, именно самый послѣдній и безповоротный конецъ. Вспомни, голубчикъ, какъ погибали всѣ жестокія идеи передъ тѣмъ, какъ смѣнитъ идея добра

и дружбы. Вспомни, какъ погибало язычество, какія муки выдумывало оно христіанамъ, прежде чѣмъ смѣниться этимъ же христіанствомъ. Вспомни, въ какихъ злодѣйствахъ умирали инквизиція. Да, всѣ они издыхали среди крови, желѣза и пламени и мукъ человѣческихъ. Нужно только посидѣть немного спокойно на мѣстѣ, потерпѣть, и затѣмъ мы попляшемъ надъ чьей-то безумной могилой.

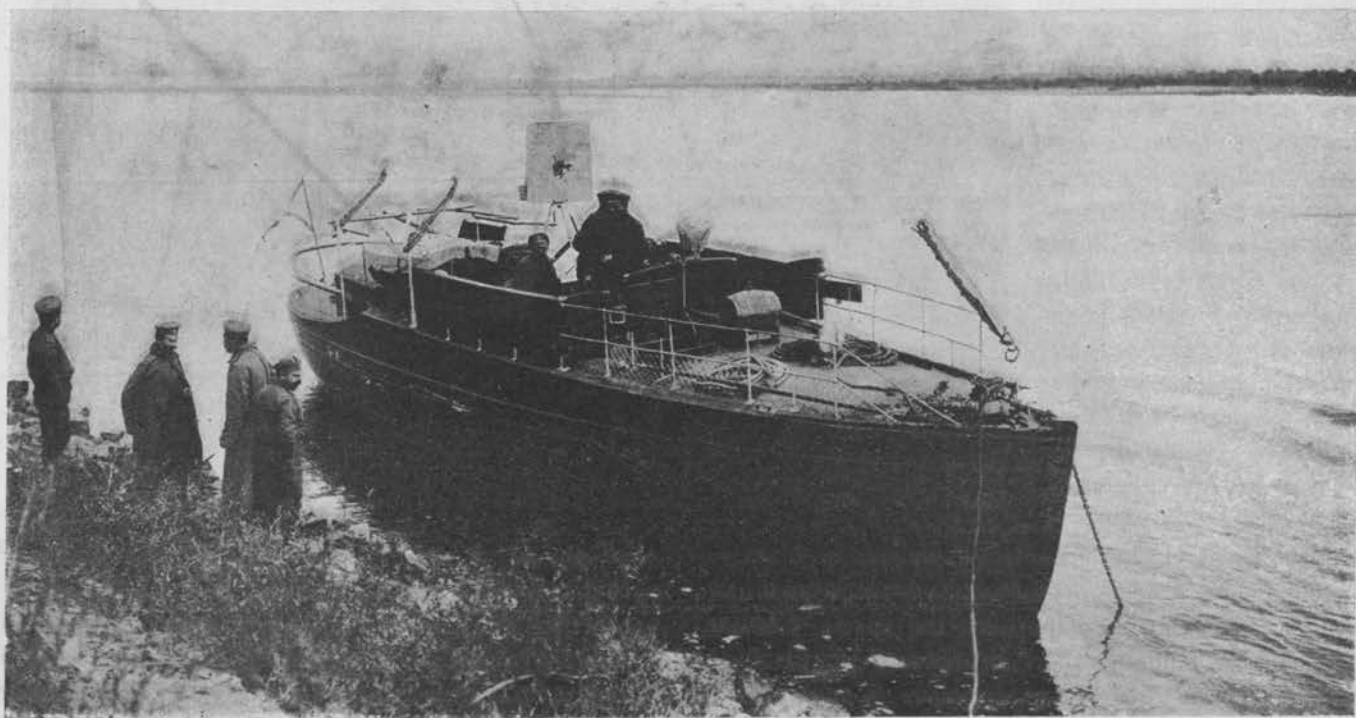
Мнѣ пріятно было слушать изъ устъ моего друга такія рѣчи, хотя самъ я и не раздѣлялъ его надеждъ, несмотря на убѣдительную справку по исторіи. Я давно научился не придавать надеждамъ и ожиданіямъ нашимъ никакого значенія, и если бы тысячи разъ въ исторіи случалось подобное, на тысячу первый возьметъ да случится все шиворотъ-на-выворотъ. Но я радовался, что мой другъ какъ бы начиналъ уже выкарабкиваться изъ того подполья, въ какое неожиданно былъ столкнутъ жизнью. Единственно, что смущало меня еще, это словно бы какая-то неувѣренность въ томъ тонѣ, съ какимъ говорилъ онъ, словно бы для него самого было тутъ еще что-то темное и безпокойное. Но все же я хорошо помню, что уѣхалъ отъ него тогда съ чувствомъ удовлетворенія и успокоенный.

Сколько именно времени прошло съ тѣхъ поръ, я не могу сейчасъ припомнить хорошенько, но во всякомъ случаѣ немного, когда у насъ въ Петроградѣ упорно распространились по редакціямъ удивительные слухи, будто Соликамскій уѣхалъ на войну въ качествѣ временно военнаго. Меня, признаться, болѣзненно встревожили эти слухи. Меня испугалъ не самый фактъ отъѣзда на войну моего друга, а то именно, что другъ мой вновь сорвался въ свою роковую

пустоту и на этотъ разъ, видимо, особенно жестоко и беспросвѣтно.

Помнится, недѣли полторы или двѣ я не имѣлъ о другѣ своемъ никакихъ извѣстій, когда получилъ отъ него, наконецъ, первое письмо по моему редакціонному адресу. Вы сами можете представить себѣ мою радость и нетерпѣніе, но увѣ! въ письмѣ этомъ мой другъ не говорилъ о себѣ ровно ни слова. Онъ описывалъ только съ восхищеніемъ разные милые военные эпизоды, свидѣтелемъ которыхъ ему довелось быть. Онъ описывалъ, какъ взводъ солдатъ, въ грузныхъ, промокшихъ грязью шинеляхъ, въ фуражкахъ блинами, со свалывшимися бородами, цѣлый день по поясъ въ болотѣ вытаскивалъ изъ трясины подъ дубинушку засосавшееся орудіе, а, кончивъ къ ночи работу, вытеръ потъ рукавами, высморкался и пошелъ въ штыки. Онъ описывалъ, какъ при взятіи Львова первымъ влетѣлъ на площадь казакъ и растерялся, и какъ женщина приняла его за офицера и поднесла на колѣняхъ побѣдителю букетъ, и какъ побѣдитель ничего тутъ не понялъ, растерялся еще больше, сунулъ скорѣй букетъ подъ мышку и улетѣлъ назадъ отъ изумленной женщины. И о многихъ иныхъ умильных случаяхъ рассказывалъ онъ. Но и только.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ я получилъ отъ Соликамскаго еще два подобныя же письма, а потомъ онъ и совсѣмъ пересталъ писать, и что съ нимъ было за это время мнѣ осталось совершенно неизвѣстнымъ. Какъ вдругъ вчера я получилъ отъ него записку, что онъ вновь вернулся къ себѣ и желалъ бы меня увидѣть. Конечно, я тутъ же со счастливой нетерпѣливостью помчался на станцію Оллила.

Моторная лодка съ пулеметами.

Теперь я застал своего друга въ томъ состояніи, въ которомъ я всегда привыкъ видѣть его и восторженно чтить, въ состояніи глубокаго, почти жертвеннаго, горѣнія. Быть можетъ, онъ и измѣнился наружностью въ чемъ-либо за то время, какъ я не видалъ его, но яркій огонь сердца дѣлалъ все невидимымъ. Когда я вошелъ, онъ сидѣлъ за столомъ, на которомъ, къ удивленію моему, вмѣсто рукописи были разложены большіе чертежи.

— Спасибо тебѣ, дорогой другъ мой, искреннее спасибо, что пріѣхалъ!—со свѣтлымъ радушіемъ сказалъ мнѣ Соликамскій, обнимая.—Мнѣ такъ хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь душевно!

Я понялъ его въ томъ смыслѣ, что ему хотѣлось бы рассказать о своихъ военныхъ впечатлѣніяхъ, и повелъ было разговоръ на эту тему, но онъ мягкимъ, сердечнымъ жестомъ остановилъ меня.

— Милый мой!—съ дивнымъ прекраснородіемъ сказалъ онъ.—Ты извини меня, но это еще не время. Ты вотъ лучше посмотри на эти чертежи. Это идея, это грандіозная идея, и самъ Богъ незаслуженно вложилъ ее въ мою недостойную голову! Я открылъ!

Я почти благоговѣнно приблизился къ таинственнымъ чертежамъ, но ничего въ нихъ не понималъ. Все, что я могъ сказать, это только спросить:

— Но что же это?

— Это схема электрическаго орудія, выпускающаго густо насыщенныя электричествомъ снаряды—ликуя объяснилъ мнѣ Соликамскій.—Его молнія ударяетъ въ металл на разстояніи двухъ верствъ. Если по близости есть зарядные ящики, они взрываются ею, убиваются лошади, и выводятся изъ строя люди. Если снарядъ падаетъ среди пустаго поля, его молнія опалитъ все почти на двѣ версты въ окрестности. Я говорилъ съ техникомъ, и онъ находитъ мою мысль примѣнимой почти во всякой обстановкѣ. О, если мнѣ удастся взрыгнуть всѣ непріятельскіе снаряды, тотчасъ же, какъ они подвозятся, война сдѣлается невозможной!

Онъ успѣшно сталъ изъяснять мнѣ составныя части ужаснаго орудія. Но я долженъ здѣсь признаться, что выслушивалъ его объясненія съ нѣкоторымъ смущеніемъ и соблазномъ.

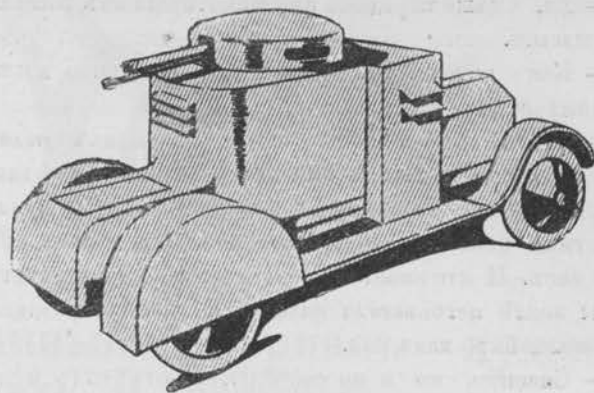
— Другъ мой!—рѣшился я, наконецъ, сказать осторожно.—Но вѣдь, кажется, это не совсѣмъ гуманное орудіе. Правда, оно направлено, главнымъ образомъ, противъ вражескихъ батарей, но все же...

— Да, это конечно—вскользь отвѣтилъ мнѣ Соликамскій.—Но вѣдь во имя гуманности же, во имя гуманности—повторилъ онъ нѣсколько разъ и тутъ отвлекся отъ этой темы, принявшись вновь за объясненія.

— Да, это воистину будетъ восхитительный и страшный инструментъ смерти!—воскликнулъ онъ подъ конецъ и поднялъ на меня свой взглядъ.

И, всякій, на кого упалъ бы этотъ взглядъ, невольно былъ бы потрясенъ до глубины души. Глаза его сіяли чистѣйшимъ и кротчайшимъ огнемъ творчества и самозабвеннаго вдохновенія, и все земное было неизмѣримо далеко отъ нихъ.

Н. Н. Куселевъ.

ДВА ШОФФЕРА.

РАЗСКАЗЪ КАРЛА ИЗЪ УРАЗИЯ.

Король Леопольдъ поѣхалъ путешествовать съ однимъ бельгійскимъ спортсменомъ. Уѣхалъ онъ, не сказавъ объ этомъ никому, на автомобилѣ, дѣлающемъ 100—120 километровъ въ часъ.

Чтобы защитить глаза отъ пыли, а себя отъ любопытныхъ, король одѣлъ большіе черные очки и прицѣпилъ огромную бороду.

На совершенно пустынной дорогѣ автомобиль короля сломался, и имъ пришлось остановиться. Шофферъ, лежа подъ автомобилемъ, старался исправить поломку, но ему это не удавалось.

Король былъ немного опечаленъ и вопросительно поглядывалъ на горизонтъ, который рѣшительно ничего ему не отвѣчалъ.

Вдругъ послышался шумъ... Приближался автомобиль. Появилась надежда быть спасеннымъ. Подали сигналъ, и автомобиль остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста катастрофы.

Хозяинъ автомобиля спросилъ, не пожелаетъ ли профессоръ Баншалигъ, (такъ называлъ себя Леопольдъ), чтобы онъ его подвезъ. Тотъ, конечно, съ радостью согласился.

Новый автомобиль былъ открытъ. Лицо шоффера было закрыто, но ему можно было дать по фигурѣ лѣтъ 45.

Король сѣлъ возлѣ него, и автомобиль поѣхалъ.

— Красивая мѣстность,—сказалъ король, оглядываясь кругомъ.

— Очень красивая,—отвѣтилъ неизвѣстный, который, какъ видно, былъ не прочь завязать бесѣду. Они разговорились. Короля очень забавляло это происшествіе, и, будучи увѣренъ, что его не узнаютъ, онъ сталъ говорить о Бельгій, ея положеніи и т. д. Отвѣты его спутника поражали своей глубиной и точными знаніями. Часто онъ былъ строгъ въ своей критикѣ, и хотя онъ говорилъ съ королемъ очень вѣжливо, но очень свободно критиковалъ его политику.

Король все больше и больше забавлялся этой бесѣдой и нарочно оттягивалъ моментъ, когда онъ откроетъ настоящее свое имя, заранѣе смѣясь произведенному эффекту.

— Я часто вижу короля...

— Да? И знаете его?

— Да, я даже передамъ ему нѣкоторыя изъ вашихъ разсужденій.

— Какъ хотите! Но развѣ вы думаете, что доставите ему этимъ удовольствіе?

— У него очень мало такихъ знающихъ людей, какъ вы. Если хотите, я васъ представлю ему. И такъ какъ я хорошо его знаю, то увѣренъ, что доставлю ему этимъ большое удовольствіе, и онъ будетъ уважать васъ. И кто знаетъ? Быть можетъ, онъ захочетъ, чтобы возлѣ него всегда находился такой образованный человекъ, какъ вы.

— Спасибо, но я не свободенъ,—отвѣтилъ неизвѣстный.—Я вынужденъ былъ бы съ своей стороны отказаться отъ этой великой чести, такъ какъ у меня есть занятія, отъ которыхъ я ни въ коемъ случаѣ не могу отказаться.

— Но ради такой службы...

— Синьоръ! Это невозможно!

Король почувствовалъ, что насталъ моментъ от-

крыться. Онъ даже былъ тронутъ этимъ «нѣтъ», предвидя удивленіе, которое долженъ будетъ сейчасъ испытывать его симпатичный собесѣдникъ.

— А если бы король самъ лично просилъ бы васъ принять эту должность?

Удивленный неизвѣстный послѣ минуты раздумья отвѣтилъ:

— Повторяю: къ моему глубокому сожалѣнію, мнѣ пришлось бы отказаться.

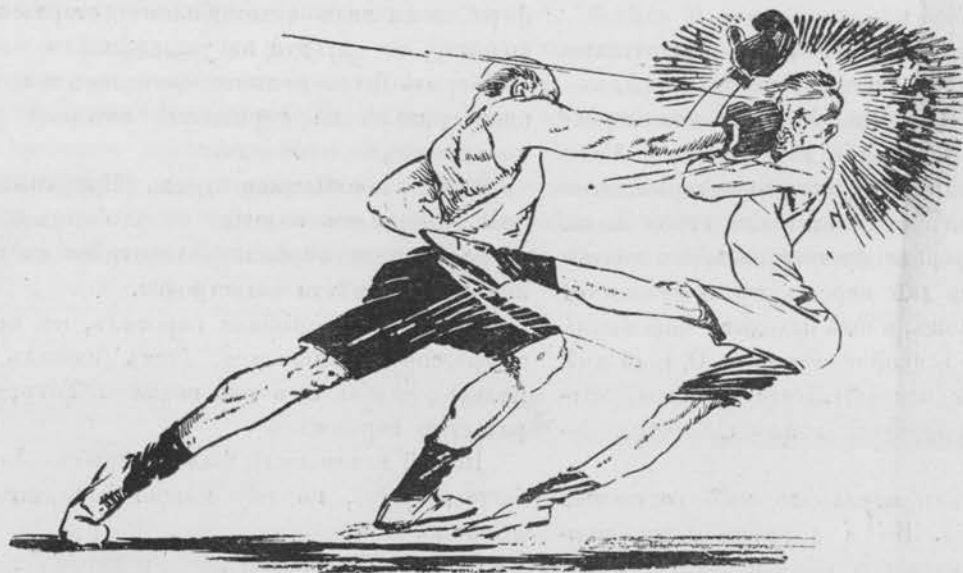
— Тогда я самъ васъ прошу—сказалъ Леопольдъ, быстро снимая очки и бороду.

Новый знакомый глубоко поклонился ему и отвѣтилъ:

— Простите, Ваше Величество, но я, дѣйствительно, очень занятъ.

И онъ въ свою очередь снялъ очки. Пораженный Леопольдъ увидѣлъ предъ собой Вильгельма II, Императора Германскаго.

Пер. съ итальяиск. А. Шумманъ.

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.

ВЕРШОКЪ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ художественной литературы и сатиры.

Выходить по вторникамъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе литераторы: Леонидъ Андреевъ, Сергѣй Ауслендеръ, Анна Ахматова, В. Бестужевъ, Александръ Блокъ, Ю. Верховскій, В. Воиновъ, Э. Н. Гиппиусъ, Владимиръ Гординъ, Н. Гумилевъ, И. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Л. Д'оръ, Т. Ефимова, Вячеславъ Ивановъ, Рюрикъ Ивневъ, М. И. Исаевъ, Д. Крачковскій, Д. С. Мережковскій, О. Миртова, М. Моравская, Д. Мусинъ, П. П. Потемкинъ, М. Пришвинъ, В. Пясть, А. Ремизовъ, Борисъ Садовскій, Ю. Слезкинъ, П. С. Соловьева (Аллегро), Федоръ Сологубъ, Теффи, А. Тиняковъ, Н. Фалѣевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Чапыгинъ, А. Чеботаревская, К. И. Чуковскій, Георгій Чулковъ, Ф. Щеколдинъ, Иер. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Художники: Н. Л. Аронсонъ, А. Е. Архиповъ, А. Э. Аванасьевъ, Альбертъ Бенуа, Б. Бобровскій, Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, И. И. Бродскій, А. Е. Бѣлогрудъ, В. М. Быстрининъ, С. А. Виноградовъ, К. И. Горбатовъ, И. М. Грабовскій, Г. Н. Горѣловъ, С. Ю. Жуковскій, К. В. Дыдышко, Е. А. Киселева, К. А. Коровинъ, М. И. Курилко, А. Б. Лаховскій, А. Линдеманъ, Г. К. Лукомскій, А. М. Любимовъ, А. Э. Максимовъ, С. В. Малютинъ, В. Масютинъ, А. А. Мурашко, И. Г. Мясоѣдовъ, И. П. Похитоновъ, Л. О. Пастернакъ, В. Плотниковъ, А. А. Радаковъ, Н. К. Рерихъ, А. А. Рыловъ, И. Е. Рѣпинъ, Ю. И. Рѣпинъ, А. И. Савиновъ, А. В. Скалонъ, В. Д. Фалигѣевъ, Н. И. Фешинъ, И. А. Фоминъ, Н. В. Харитоновъ, Н. П. Химона, В. Я. Чемберсъ, Э. И. Шаляпинъ, П. Д. Шмаровъ, А. Р. Эберлингъ, А. Эйсснеръ, К. Ф. Юонъ.

Подписная цѣна съ перес. за годъ—6 р.; за 1/2 г.—3 р.; за 3 м.—1 р. 75 к. и за 1 м.—75 к.

Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ 15 коп.

Редакція—Петроградъ, Воскресенская наб., 26. Телефонъ № 410-98. Приемъ ежедневно отъ 3—5 ч. Контора—Шпалерная, 26, телеф. 18-68 открыта отъ 11 ч. у. до 6 ч. вечера.

Рукописи, присланныя безъ указанія условій, оцѣниваются по усмотрѣнію редакціи.

Редакторъ-Издатель Д. М. Гутцацъ.

Завѣдующій худож. отдѣломъ И. И. Бродскій

Цѣна 15 коп.

На станціяхъ жел. дор. 20 коп.

